

ДЕНЬГИ

Книга о любви

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Надя Крум

Деньги. Книга о любви

«Автор»

2026

Крум Н.

Деньги. Книга о любви / Н. Крум — «Автор», 2026

У Павла есть тайная страсть. Это не женщина, не хобби и не мечта. Он успешный столичный карьерист. Меняет компании, проекты, людей — с легкостью, которую сам не понимает. Умен, обаятелен, собран. Но внутри — разъедающая пустота. Ее нельзя заполнить властью, сексом или отношениями. Марина знает правила игры. Хочешь любви — стань товаром. Она выучила это на горьком опыте и почти готова принять условия. Нике двенадцать лет. Она пишет рассказы, которые никто не читает, и смотрит на взрослых с безжалостной ясностью ребенка. Ей уже пора выбирать какой взрослой стать. Их трое. Они связаны тайной, о которой никто из них не догадывается. «Деньги» - это книга про любовь. Про подмену, которая происходит внутри каждого из нас, когда мы перестаем отличать ценность от цены. История о том, как вернуть себе способность любить — когда ты уже забыл, что это значит.

© Крум Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. ЦУМ	5
Глава 2. Нежность	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Надя Крум

Деньги. Книга о любви

Глава 1. ЦУМ

Ненавижу такие долгие поездки в метро.

Девушка, стоящая напротив меня в красном пальто — сколько стоит её пальто? Боже, эти ткани. Готов спорить на следующую премию, что она в метро по той лишь причине, что поссорилась с тем, кто раньше это пальто бережно усаживал в салон и отвозил до нужного места. Или осталась без машины из-за аварии или прихоти перекрасить её под цвет своих зеленоватых глаз. Не разбираюсь в машинах. Не люблю их. Но не люблю ездить с незнакомым таксистом туда, куда собираюсь сейчас. На фиолетовой ветке возможность встретить кого-то из знакомых минимальна. А её пальто очень красивое.

Я встаю, неспеша подхожу к девушке. Она облокотилась там, где запрещено из соображений безопасности. Её лицо — отражение в экране телефона, она видит его, стеклянное, когда экран гаснет, но сейчас она мерцает пикселями и это не даёт ей задуматься о плохом. Встаю рядом с ней. Смотрю в противоположную сторону. Незаметно скольжу рукой по стенке двери вагона. Разглядываю потолок, чьи-то ноги. Сосредоточенно ищу пальцами красный подол. Со стороны любой может подумать, что я пытаюсь вытащить у неё кошелек, это может привлечь ненужное внимание, поэтому надо быть ещё осторожней, во много раз осторожнее, чем любой карманник. Вот оно — нежность оказывается в моих пальцах, аккуратно указательным и большим растираю краешек её верхней одежды — это кашемир. Закрываю глаза, вспоминаю широ-ченные ряды ЦУМа, как всё горит огнями, как продавцы презрительно смотрят на зевак, счита-тая ниже своего достоинства поприветствовать тех, кто выглядит дешевле, чем средство для мытья полов в их отделе.

Когда мне только исполнилось восемнадцать лет, незадолго до окончания школы, я впервые приехал к двоюродному брату в Москву — посмотреть на роскошь. Он отвёл меня в это место. Мне было стыдно даже краем ботинка пересечь вход в магазин с дизайнерской одеждой или наручными часами. Я вёл себя непринуждённо, но моё сердце щекотало счастье, как у иного ребёнка из провинции в центральном детском магазине, где целые замки из лего, кукол и зверей, которых можно щупать, тискать, играть. Я хотел поиграть с каждой вещью в этом раю. Хотел их себе. Сладость от обладания красотой и утончённостью возбудила меня. Я пошёл в туалет, заперся в белой кабинке. Кровь пульсировала в кончиках пальцев, пробивалась в виски. Стало жарко. Я снял с себя джинсовую куртку, купленную в секонд-хенде, сел на унита-таз. Обхватил голову руками. Даже запах освежителя в этом торговом пространстве казался мне элитным и сводил с ума.

Минуту или две мне казалось, что мне плохо и нужен врач, пока я не понял, что все ощущения моему телу уже знакомы. Я дышал тяжело, глубоко, на лбу выступали капельки пота. Футболка под мышками изменила цвет и стала источать запах пубертатного безумия. Я посмотрел на промежность. Вспомнил, что во внутреннем кармане на молнии лежала одна важная вещь. Медленно, как под водой, я потянулся правой рукой к куртке. Вжикнул молнией и достал свёрнутую в два раза пятитысячную купюру. Это были все деньги, которые я взял с собой в Москву, чтобы воочию видеть сколько расходую — со средствами на карте я мог не уследить в кураже, а нужно было ещё купить обратный билет завтра-послезавтра.

Сердце перестало колотиться в лихорадке и вдруг стало отдаваться в голове чёткими, звучными ударами — БОМ, БОМ, БОМ. Я сглотнул и замедлился. Взяв купюру в левую руку и не отрывая от неё глаз, правой рукой убрал со лба намокшую чёлку, потом расстегнул пуговицу

на джинсах, расстегнул молнию, вытащил из растянутых трикотажных трусов член и начал дрочить. Первые несколько движений я сделал с чувством непонимания и стыда, будто сам не осознаю что делаю, а кто-то управляет моим телом — снимает на скрытую камеру. Ещё толчок — я заметил как красиво блеснула под лампочкой серебристая отметка на левой стороне банкноты. Намного прекраснее блеска всех глаз, что я видел. Я начал двигаться быстрее. Красно-оранжевый цвет, как солнечная вспышка, заполняет всё поле купюры. Герб с медведями, нули, симметричные линии, номер — вы так красивы, у меня будет вас много, мы будем весело проводить время, о, как же чудесно держать вас в руках, в моих грязных руках, сколько вас держали, лапали жирными пальцами, вы ведь мятенкие, шлюшьи рубли, хочу сделать дырку прямо в брuxe этого памятника и трахнуть прямо в неё, да, да, грязные деньги да...

Я сжал колени, едва успев накрыть ладонью головку до эякуляции. Банкнота немного смялась спазмом в ладони. Я до крови прикусил губу, чтобы не издать ни звука, дыхание тяжело вставало в прежнюю колею.

— Всё нормально? — услышал я голос брата за дверью кабинки.

— Да, — крикнул я дрогнувшим голосом. — Живот скрутило, сейчас.

Я ещё раз посмотрел на банкноту, решив не думать о произошедшем и не размышлять о значении этого. Быстро сунул её в карман джинс, запомнив, что когда выйду надо переложить в более надёжное место. Оглянулся в поисках туалетной бумаги. Как же чудесно, что я в Москве, здесь в общественных туалетах вовремя довшивают бумагу, не знаю какого оттенка красного было бы моё лицо от стыда, если бы пришлось просить платок у Артура, который ждёт меня снаружи и объяснять что-либо.

Спасибо, спасибо, что ты висишь здесь на месте.

Я встал, спустил воду и вышел.

Вагон дёргается. Я открываю глаза.

Девушка в красном пальто смотрит на меня. Я всё ещё держу край её рукава. Плохо. Очень плохо. Я уже выгляжу как маньяк из метро.

— У вас очень нежное пальто, это кашемир? — говорю я, отпуская ткань. — Вам очень идёт.

Она улыбается. Её лицо смягчается, подозрение тает.

— Спасибо.

Я улыбаюсь в ответ, сую руку в карман. Оглядываюсь — я проехал на станцию дальше. И стоит ей открыть рот, чтобы продолжить знакомство, я выскакиваю из вагона и ухожу, не оглядываясь, наверх, под ветер и морозящий дождь.

Глава 2. Нежность

Марина лежала на смятом одеяле, закинув одну тонкую руку за голову, а другой прижав грудь плотнее к телу, чтобы соски не скатывались по бокам. Левую ногу она согнула, наклонила коленом внутрь. Носок правой натянула — чтобы выглядело инстаграмно-естественно, чтобы не бросалось в глаза, что это абсолютно не свойственная ей поза. Если приглядеться — она слегка выгнула спину, чтобы живот с проколотым белым камешком пупком был пластиково-плоским. Подбородок вскинула вверх, согнув шею, закрыла глаза. Так не было видно отросших тёмных корней под давно не обновляемым балаяжем. Косметики на ней не было — она использовала освещение, затаиваясь в тени и пасмурных лучах из окна так, чтобы вышло выгоднее всего. Зелёные кружевные трусы гармонировали с серебряным браслетом-цепочкой на шее.

Марина очень хотела быть красивой в этот момент.

Она не была той девушкой, которая уже сделала для этого всё возможное, потратив пятнадцать часов и чуть больше в тысячах денег. Она под закрытыми веками представляла себя со стороны — моим взглядом. И оценивала. Попутно перебирая, какая фраза после нежного послеобеденного секса прозвучит наиболее ненавязчиво, будет понята, подхвачена разговором.

— Мне так тепло в твоей квартире, — сказала она звучно, но приглушённо, с хрипотцой, будто спала всё это время, а вовсе не выжидала удачный момент. — Так уютно. Хотела бы я здесь находиться дольше. Это сделало бы меня такой счастливой. Я бы чувствовала, что мне не нужно никуда идти. Я могу тут лежать и смотреть на тебя.

Это звучало бы очень действенно, если бы я не видел, как Марина читает статьи про тысячу и один способ навязать мужчине свои желания. Она хочет ко мне переехать. Она хочет тот образ, который я ей навязал, — а квартира, между прочим, не моя. Но выглядит намного лучше всего, что я представлял себе, когда думал о домах в детстве. Ровные бежевые стены спальни. Модная кухня из «Икеи». Ламинат везде, а не только в комнате, куда пускают гостей.

Когда я был ребёнком — лет до шестнадцати, до двадцати, — я и подумать не мог, что так можно жить. В такой вот журнальной квартире. Я часто смотрел, как сестра играет в «Симс»: создаёт мир, чтобы кто-то гадил и ел в нём, рожал поворотом в воздухе детей и тянулся на солнце. Я никогда не понимал, почему это так важно для неё. Она была старше на много лет, у неё было куда больше шансов свалить далеко-далеко, никогда не соприкасаясь с обшарпанным крашеным полом своими ногами в тапочках из «Фикс Прайса». Но теперь я понимаю: она чувствовала себя фокусником, впечатляющим наивную публику. Создавала иллюзию созидания для себя. Могущество, при котором она — элита, а не среднестатистический потребитель.

И сейчас Марина смотрела вокруг и видела ту же иллюзию. Только для неё элитой был я.

Кровать невысокая — можно свесить ноги и почувствовать пятками ворсистый, массирующий ковёр. Окно большое. На нём тонкая кружевная вуаль — мама очень любит тюль. Это секрет для подсматривающих, лёгкий намёк на интимность. Хотя на восьмом этаже заглядывать в окна сложно.

— Я люблю тебя, — сказал я. Так же тихо, как она.

Это было бы правдой. Если бы я не любил кое-кого другого.

Марина улыбается, перекачивается на живот, смотрит на меня снизу вверх из-под упавших прядей волос. Я вижу: её нарощенные ресницы почти исчерпали себя. Брови стали светлее. Её лицо в улыбке — лучшее, что я мог увидеть на этом одеяле с утра. Её голая спина — заповедник для моих диких желаний. Я сижу, согнув ноги, край одеяла между моих ног, руки повисли на коленях. Поднимаю руку, несущую по воздуху к ней, как важный груз. Но опускаю не на кожу и мурашки, как она представляет, а на макушку. Глажу по голове, как ребёнка. Я

чувствую: она думает, что вызвала во мне неизведанные прежде чувства. Оценивает мой жест. Я улыбаюсь, и мне становится немного грустно. Потому что она думает не обо мне.

В переговорной стоял резкий запах мужского дезодоранта и застарелый воздух после предыдущего — видимо, нелёгкого — совещания. В 10:57 здесь уже были все, кому полагалось нервничать и бояться: руководители отделов и их ключевые люди. Кто-то резко открыл окно, и влетел залп холодного воздуха. В компании существовало два правила насчёт совещаний: не опаздывать (если ты не босс) и терпеть (потому что боссы любят похолоднее и никогда не прерываются на перерыв).

Я, как всегда, вошёл последним. Когда заходишь последним, сразу видишь картину: кто сел рядом с кем, кто оставил пустой стул между собой и соседом, кто нервно крутит ручку, а кто слишком старательно смотрит в ноутбук. Карта, по которой я прокладывал все свои карьерные пути. Я читал её внимательнее, чем повестку.

— Павел, присаживайся, — Иван Фёдорович, гендир, кивнул на стул справа от себя.

Приятно. Я здесь полгода, а он всё ещё думает, что я «его человек».

Я сел медленно, занимая как можно больше пространства. Положил перед собой закрытый блокнот. Никаких записей — я никогда не записываю на таких встречах. Записывает тот, кто боится забыть. Я не боюсь. Если что-то забуду — значит, оно неважно. Топы не сочтут это за неуважение, если ты после всего делаешь как надо и смотришь в глаза говорящему. Это выделяет меня на фоне остальных — опускающих взгляды школьников в этом взрослом забеге.

В 11:00 дверь закрылась. Мы начали.

Говорил финдир — толстый, с красными прожилками на носу. Олег. Он рассказывал про бюджет и потел даже ресницами — даже на улице в январе. Иногда, глядя на него, я думал: что случилось раньше — он раскабанел, когда пошёл в финансы, или пошёл в финансы, потому что выглядит как человек, который слишком много их поимел? Его голос — монотонный и надрывный одновременно. Я представил, как он говорит жене «Я больше тебя не люблю» или «Отсоси мне» с той же интонацией, с какой произносит «дебиторская задолженность». Посмеялся про себя, но продолжил слушать внимательно. Я всегда слушаю внимательно, даже когда хочется уснуть. Потому что именно в такие моменты — в скуке, в монотонности — люди проговариваются. Теряют бдительность или специально бегло прогоняют свои косяки, пока никому не интересно.

Мне интересно всё.

Олег назвал цифру — затраты на подрядчиков за третий квартал. Боковым зрением я зафиксировал: Иван Фёдорович нахмурился. Тут и гением быть не надо, чтобы понять: сумма завышена. Не сильно. Процентом на пятнадцать. Олег пилит. Иван Фёдорович подозревает, но не уверен. Олег знает, что Иван Фёдорович подозревает, и нервничает. Как удобно быть таким потным ничтожеством, которое будто нервничает всегда. В этом смысле я ему даже немного завидую: регулировать тело очень и очень сложно.

Треугольник Карпмана раскинулся на наших позициях: ИФ с Олегом перекидывают друг на друга роли Жертвы и Агрессора с болезненным удовольствием и осторожностью. Они с момента основания компании идут вместе и знают друг о друге достаточно. Поэтому один не торопится увольнять, а второй не торопится увольняться. Ох уж эти мужички из девяностых. А я среди них — Спасатель, который смотрит на пожар, но не планирует делать свою работу.

Я многого не умею, особенно в бизнесе. В моём первом резюме из правды были только имя и дата рождения. Зато всегда легко и с большим удовольствием я читаю людей. Удачно выучил это в детстве. Иногда приходилось угадывать настроение деда по звуку тишины в коридоре. Если тишина звонкая и вдруг раздаётся резкий звук — он трезвый, можно выходить. Если с другого конца квартиры доносятся шорохи, тяжёлые вздохи или постанывающий скрип табуретки — пьяный, лучше не отвечать. Я научился различать эмоции раньше, чем слова.

Мать со мной мало разговаривала, когда вышла на работу, и в какой-то момент стала просто на меня смотреть. К десяти годам я знал каждую мышцу на её лице — где расположена и как выглядит напряжённой. Наблюдения за ней мне хватало, чтобы компенсировать близость и диалог. А иногда — и заботу.

— Что думаешь, Павел? — спросил Иван Фёдорович.

Прямо в руки положил мне камень, чтобы я бросил его в Олега. Ждал, что я нападу, как его верная гончая, и тогда он сможет использовать это как предлог для проверки бюджета. Как в тот раз, когда пришлось уволить девочку, HR-директора, чтобы прикрыть его некомпетентность в планировании. Не зря я всё-таки вписал финансовое управление и MBA в свою «родословную». Вот только

— Думаю, Олег Викторович провёл серьёзную работу, — сказал я, глядя прямо на Олега. — Если бы мы могли получить расшифровку по каждому подрядчику, я бы взял на себя анализ эффективности. Чисто для оптимизации.

Три вещи произошли одновременно.

Олег выдохнул. Я видел, как его жирные бёдра расслабились, впуская меня в дружеский союз.

Гендир озадаченно засопел. Я отказался играть, но и не стал саботировать правила — будто у меня есть полезный для него план. И он доверился моей «инициативе».

А я получил доступ к бюджету подрядчиков. Через месяц я буду знать об отделе Олега больше, чем он сам. И когда придёт время — поставлю его на счётчик.

Когда стулья в переговорной опустели, Иван Фёдорович положил руку мне на плечо. Он любил этот жест — ему казалось, что так он выглядит как наставник из советского кино.

— Хорошо. Не стал рубить с плеча, а я бы рубанул, — он хмыкнул. — Шаришь?

— Да, — сказал я, глядя ему в глаза. Будто в этой фразе было хоть что-то осмысленное.

— Паша, мой сын — твоего, кстати, возраста. Раньше тоже много зарывался жалеть людей. Собачек этих, кошечек, тоже жалел, как сопля. А потом его одна такая укусила — и сорок уколов в живот. Я думал тогда: сам с ним рядом лягу, если вдруг — Он быстро взглянул в сторону и продолжил: — Так что не тяни. Жду новостей. Коммерческие директора у меня уже были, а толкового за пять лет из тридцати человек — ни одного.

Он с намёком замолк, поднял руки к груди, поправил запонки. Слава Богу — я как раз думал, как бы ещё раз ненароком взглянуть на его золотые часы. По кругу бежали дорожки бриллиантовой росы, будто на эти часы плакал ангел. Ни одной цифры — только витиеватая роспись с невинным переливом. А стрелки так трогательно выбивались из общей картины, что хотелось погладить их, сказать, что всё будет хорошо, успокоить, чтобы они не спешили. У этих часов наверняка есть история. И охренительный — просто волшебный — ценник.

Иван Фёдорович п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.